

скрупулезностью он рассказал аудитории о генезисе и историческом развитии НАТО и Западно-Европейского Союза (ЗЕС). На данной же момент потенциал не только ЗЕС, но и НАТО представляется исчерпанным. Но в силу организационной инерции НАТО еще достаточно долго просуществует. У военно-политических организаций нет перспектив, все чаще их задачи решаются в рамках региональных союзов с военно-политическим компонентом (СНГ, ОАГ, Африканский Союз). НАТО в этом смысле превращается в организацию универсального типа с расширением полномочий и возможностей.

Представитель Германского совета по внешней политике Юлиан Пенке вместе с директором отдела специальных программ ЦЕУ Оливером Шюттом — оба в недавнем прошлом Bosh-лекторы кафедры новой истории и международных отношений ТюмГУ — провели мастер-класс для слушателей школы по вопросам принятия «ответственных решений» в современной мировой политике.

Перспективы сотрудничества России и НАТО в области борьбы с новыми угрозами

международной безопасности стали предметом выступлений ведущего научного сотрудника ИМЭМО РАН кандидата экономических наук С.А. Афонцева, лектора МГИМО(У) МИД РФ кандидата исторических наук А.В. Загорского, лектора ТюмГУ кандидата исторических наук Л.В. Дериглазовой и Оливера Шютта.

В своих оценках российские исследователи были пессимистичны, они продемонстрировали существенную разницу в целях и стратегиях НАТО и России на международной арене, тогда как их западный коллега интерпретировал сотрудничество России и НАТО как взаимовыгодное и неизбежное.

Школа завершилась круглым столом, на котором были подведены итоги ее работы и обозначены перспективы дальнейшего изучения роли НАТО в современном мире. Главная цель школы — предоставить возможность всем ее участникам ознакомиться с современными подходами к пониманию положения НАТО и России в мировой политике на современном этапе ее развития — была успешно реализована.

М.Г. Агапов, А.В. Семенов (ТюмГУ)

Конференция «Власть, общество и человек в средневековой Европе» (Москва, 27–28. 01. 2006)

Открыл конференцию декан исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой истории Средних веков, член-корреспондент РАН С.П. Карпов. В своем выступлении он отметил подготовку издания серии монографий, учебников, источников по истории Средних веков, в частности, нового учебника по «Истории и теории международных отношений»; сообщил о президентской программе поддержки научных школ, в которую попадает научная школа по изучению Византии и Причерноморья в Средние века; сказал о разработке программы «Экспертиза художественных памятников», призванной остановить отток художественных ценностей из России и распространение фальсификатов; призвал к поддержке главных медиевистских изданий России — «Византийский временник» и «Средние века», чтобы в них была представлена актуальная информация с перифе-

рии; высказал суждение о перспективе издания этих ежегодников на CD-ROM. В качестве главного приоритета, которому должна послужить начавшаяся конференция, Сергей Павлович обозначил содружество со всеми центрами медиевистики России, именно институциональное содружество, а не персональное, каковым оно было до сих пор.

Председатель организационного комитета конференции Н.А. Хачатурян подчеркнула, что это уже VI конференция, расширяется ее представительство, более разнообразной, многосторонней становится тематика докладов за счет привлечения специалистов по средневековой истории Восточной Европы и России.

Затем слово было предоставлено докладчикам. А.Г. Глебов вынес на суд слушателей результаты своего исследования раннесредневековой государственности Англии. Ран-

несредневековая монархия отличалась не только отсутствием бюрократии, налогообложения, но и личным характером взаимоотношений с подданными, что предъявляло повышенные требования к моральным качествам короля. Кроме того, ей была свойственна мобилизация самого общества на реализацию государственных функций. Эффективная государственная система в раннесредневековой Англии основывалась на личном взаимодействии управляющих и управляемых, на консенсусе, «коллективном принуждении», «коллективном действии» локальных сообществ в виде ассамблей различного уровня. Наблюдалась не «приватизация» государства, а «опубликование» частной жизни жителей шайра.

О.Г. Ульянов затронул острую проблему возникновения русской монархии при Владимире Святославиче. В отличие от западных королей, стремившихся к брачным союзам с византийскими василевсами, дабы возвысить свой статус, Владимир к этому не стремился; византийские императоры сами предложили ему в жены Анну, как свидетельствует Яхья Сирийский. Причем венчание на царство происходило совместно — и мужа, и жены; при этом Владимир выбирал не только веру, но и место крещения; он осознанно стремился избежать той ловушки, в которую попал болгарский царь. Для этого из Херсонеса, где прошло крещение и возведение на престол, были доставлены священные книги в Киев, где предстояло провести помазание. В инаугурации Владимир добивался царского титула, равного василевсам; Анна не случайно титулуется не царевной, но царицей. Сам Владимир ради сохранения независимости больше стремился к признанию духовного авторитета не Константинопольского патриархата, а Антиохийского; «сурские книги», фигурировавшие в процедуре помазания, надлежит понимать как сирийские.

В.И. Уколова остановилась на пространственном осмыслении империи. Империя обычно воспринимается как большое государство, существовавшее в прошлом. Имперская модель считается фундаментом европейского атлантизма; формирование Рах Еигореала (Европейского Союза) порой расценивается как повторение политического опыта Римской империи. Imperium — власть,

управление, высшие полномочия, которыми могло наделять какое-либо лицо только народное собрание в Риме. Pax Romana — мир, основанный на договоре, на вселенском законе; за его пределами, то есть за пределами Римской империи простирался мир хаоса, варварства. Существовало другое обозначение империи — «Orbis terrarum», то есть совершенное устройство. В то же время империя не исключала республики; император соединял полномочия республиканской власти, он был принцепсом, («первым среди равных»). Политологи, рассматривая империю, обычно говорят о «командном управлении». В действительности, нужно говорить о «дисциплинарном подчинении»: человек, попадая в пространство дисциплинарных ограничений, безотчетно подчиняется им. Пространство империи имело аксиологические ограничители, империя держалась дисциплиной подданных. Однако в V в. стало стыдно называть себя «римлянином», распространился уход к варварам.

Н.А. Хачатурян представила вниманию аудитории концептуальные размышления о феномене европейского сословного представительства. Сословно-представительный режим отражал дихотомию власти, вовлеченность во власть общества. Появилась выборность, вытеснившая личностный характер связей; сложилась практика делегирования полномочий коллектива представителям, которая предполагала определенное равноправие и полноправие; выборность распространялась в городской среде, среди крестьянства, духовенства, мелкого (и, возможно, среднего) рыцарства. Стал оформляться обычай «императивного мандата», то есть составления инструкций выборщиков своему представителю по принципу частного поручительства на ведение дела.

Т.П. Гусарова осветила особенности развития государственности в Венгрии, используя различные источники, в том числе политический трактат Н. Эстерхази «Мемориал».

И.И. Варьяш обратилась к достаточно острой проблеме взаимоотношений между властями Арагона и мусульманскими подданными. Мусульмане в отдельных областях Арагона составляли не меньшинство, как показывают современные исследования, а большинство, до 60%. Они выделялись знаниями, двуязычием. Существует значительный массив

документов (капитуляции, договоры, переговоры, обращения к кортесам и т.п.), который отражает диалог между мусульманским населением и органами власти Арагона. Мусульмане просили сохранить автономию, мечети, школы, кладбища. В то же время, известны просьбы арагонских королей XIII в. о военной помощи, о предоставлении субсидий. С XIV в. язык королевской власти становится жестче, корона стремится к максимальному расширению поля своего контроля. С 1492 г. диалог прерван, интерес к мусульманскому партнеру исчез: привилегии мусульман, зафиксированные в Гранадской капитуляции, остались только на бумаге.

С.А. Польская проанализировала королевские клятвы времен Столетней войны. Клише клятв не совпадало, клятвы могли приноситься представителем церкви, народу, а то и вовсе отцу.

С.К. Цатурова рассмотрела лимитирование королевской власти во Франции XIV–XV вв. Королевские указы поступали в парламент, там они регистрировались, затем они объявлялись и вступали в силу. Существовало «право возражения». Порой историки утверждают, что парламент присвоил его себе. Однако этот институт введен самим королем. Впервые «право возражения» упомянуто в ордонансе короля Филиппа IV Красивого 1303 г. Король едва ли сам изобрел эту формулу, скорее, он заимствовал ту, что использовалась прежде. Известно, что «ошибочный указ» могли остановить не только парламент, но и палата счетов. Почему король сам создает нормы, которые будут затем использоваться для ограничения его власти? Для демонстрации общего согласия, что монарх не действует тиранически.

С.Л. Плешкова коснулась положения маленького и большого человека перед лицом власти на материалах Франции XVI в. Обычный человек достаточно редко соприкасался с властными структурами, как правило, это были случаи регистрации рождений, браков и смерти. Верховная власть давала себя почувствовать дворянину не более двух раз за всю его жизнь.

Живой интерес вызвало сообщение В.Р. Новоселова о праве дворянства на дуэль. Право отстаивать честь было одной из сословных привилегий дворянства. Честь почи-

талась выше воли государства и короля. Однако французские юристы отказывали дворянам в обсуждении этого обычая, несмотря на то, что Франция не признала положение Тридентского собора об осуждении поединков; юристы склонны были квалифицировать дуэли как мятеж, выступление против государя, против его законов и правосудия. Существовали полемические трактаты, защищавшие дуэли. Дела чести подлежали рассмотрению в суде короля. При этом можно найти немало случаев, когда короли сами нарушали эдикты против дуэлей.

Межконфессиональные отношения в английской монархии XVI–XVII вв. стали объектом рассуждений А.Ю. Серегиной. Католики обязывались посещать англиканскую церковь, подлежали гражданскому и церковному суду, подвергались штрафам и отлучению от англиканской церкви, а если были замечены в антигосударственных деяниях, то и казни.

Еще более оригинальный случай потестарно-патерналистских отношений был рассмотрен А.Ю. Прокопьевым на материале Саксонии XVI–XVII вв. Доминирующее положение занимал дом Веттинов, герцогского статуса, лютеранского вероисповедания. Дом Веттинов «растворял» страну, он выступал универсальной величиной, «княжеским ингениумом»; обязанности главы большой семьи совпадали с обязанностями государя; князь Саксонии оказывался главой всех саксонских родов, отцом саксонского сообщества. Он управлял страной так, как управляли домохозяйством; новых государственных почти не было.

Второй день конференции «Власть и общество» был посвящен теме «Идеи, пропаганда, церемониал». Его открыл доклад О.В. Дмитриевой (МГУ) «Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов в парламентской культуре второй половины XVI века». Доклад строился на исследовании речей лордов-канцлеров, которые произносились от имени королевы Елизаветы Тюдор во время открытия парламентских сессий, и речей спикеров нижней палаты. Канцлер, который председательствовал в верхней палате, и спикер, избираемый коммунарами, с профессиональной точки зрения были юристами общего права и людьми, представляющими корону. Нередко, кроме того, юрист на-

чинал политическую карьеру спикером парламента, а заканчивал канцлером королевства. Речи канцлеров и спикеров показывают, что они использовали одну и ту же лексику общего блага, обращаясь к органической метафоре единого политического тела, метафоре общего дома, подчеркивая сакральную природу монархии, что, по мнению докладчика, должно было напомнить парламентариям об их долге. В докладе, кроме того, была отмечена перспектива использования массового материала речей, дающего возможность проследить появление новых элементов позднетодоровской монархии.

Английскую тематику продолжил доклад Кондратьева С.В. (Тюменский ГУ) «Все могут короли, все могут короли? (Теория и практика в предреволюционной Англии)», где было показано, что инструментальное понятие «абсолютизм» все чаще исчезает в современных описаниях политических и государственных реалий предреволюционной Англии. Сам докладчик также предпочитает обходиться без его использования. Но сочетание слов «абсолютная прерогатива» короля встречалось повсеместно в правовой и политической лексике раннего Нового времени. Первые Стюарты на английском престоле нередко заявляли о своих правах непосредственно (минуя парламент) собирать налоги с подданных. Обращаясь к выступлению Якова I в парламенте 1610 г. и судьбе королевского капеллана Роджера Мэнверинга 1627–1628 гг., Кондратьев С.В. показал, что корона в сфере практической политики нередко оказывалась вынужденной отступать от декларируемой ею самой принципов.

Доклад А.А. Сванидзе (ИВИ РАН) повествовал о практике пиров и о значении пира в средневековой Скандинавии. Опираясь на хроники, она показала, что пир был не просто совместной трапезой, он становился площадкой демонстрации его участников собственных исключительных качеств, способствовал формированию ближнего круга верных конунга.

Доклад Калмыковой Е.В. (МГУ) «Низложение государя, или Вассальный долг подданных» был посвящен политическим представлениям англичан классического Средневековья. Опираясь на материал XIII–XIV вв. (в частности на «Битву при Льюисе»), автор

показала, что подданные имели довольно четкие представления и пределах монаршей власти и представления о справедливом короле. Утрата «правильных» монархических качеств, по их мнению, должна сопровождаться утратой государями престолов, что и произошло с Эдуардом II и Ричардом II. Из уст подданных в это время звучала идея избранности монарха народом, и что именно народу, а не королю, принадлежит право устанавливать законы.

Английская тематика была продолжена в сообщении Е. И. Эдиной (СПбГУ), которая остановилась на исторических параллелях, имеющих место в двух произведениях Якова I «Царский дар» и «Истинный закон свободной монархии». На ее взгляд, дабы обосновать идею сакральной и неограниченной монархии, король активно использовал библейские примеры и примеры из шотландской и английской истории. Правда, слушателям так и осталось непонятным, почему эти трактаты были отнесены докладчиком к жанру пропагандистской литературы, и на какую целевую группу они были рассчитаны.

В сообщении А.А. Паламарчук (СПбГУ) речь шла о репрезентации имперской идеи английской короны у второго поколения антикваров, среди которых выделялись фигуры выдающихся английских юристов Джона Селденея и Генри Спелмена. По ее мнению, проводя архивные и исторические изыскания истоков английских имперских представлений, антиквары сознательно конструировали новые ценностные ориентиры.

Английская тема была продолжена В.А. Ковалевым (СПбГУ), затронувшим редкий для отечественной науки сюжет «Придворные маски при дворе Стюартов». Им было продемонстрировано отличие английского сценарного материала масок от аналогичных спектаклей других стран. В.А. Ковалев подробно охарактеризовал месторасположение короля и других зрителей во время представления, функции актеров-профессионалов и любителей. Отдельное место в докладе нашли театральные механизмы, используемые в то время, и театральные находки известного постановщика и архитектора Инниго Джонса.

Часть докладов была посвящена становлению образов власти в средневековых странах. М.А. Морозов (СПбГУ) сделал доклад о

формировании идеологии императора-ратоборца, присутствующей в посланиях в армию Константина Багрянородного. А.Н. Герштейн остановилась на новых чертах имперской идеи, появившейся в годы правления Фридриха II Гогенштауфена на Сицилии и в Священно-Римской империи. Он показал, что Фридрих придерживался взгляда личной богоизбранности монарха, который должен принять участие в крестовом походе. Одновременно Фридрих претендовал на роль нового Юстиниана в области законодательства и на роль нового Августа в политике. На идейных новациях Людовика XI остановилась Л.А. Доронина (Саратовский ГУ). По ее мнению, в составленном им наставлении для дофина монарх писал о всем французском королевстве как о своей сеньории. Король полагал, что главное предназначение государя — забота об общем благе, которое состояло в умножении материального богатства страны, а также в обеспечении справедливости и мира для подданных.

Тему исторических мифологем затронул доклад Р.М. Асейнова (МГУ), посвященный средневековой Бургундии и мемуарам Оливье де ла Марша, который в своем произведении изрядно удревнил историю Бургундского герцогства, доведя генеалогию ее правителей

до легендарного Геракла и датируя крещение бургундов 15-м годом после смерти Христа.

Карьерам флорентинцев при дворах иностранных государей и их взглядам на благогодарное отечество посвятила доклад И.А. Краснова (Ставропольский ГУ).

В.А. Дятлов (Черниговский ГУ) остановился на воззрениях и жизненной стратегии немецкого реформатора Карлштадта, который несколько ранее Лютера призвал очистить церковь и вернуться к первоосновам христианства. По мнению докладчика, личные неудачи Карлштадта и, видимо, обретенные комплексы сделали его проповедником бедняков, крестьян и ремесленников.

Только один доклад был сделан на материале российской истории. Его произнес Ю.В. Кривошеев (СПбГУ), остановившись на известном эпизоде топтания басмы Хана Ахмата царем Иваном III. По мнению докладчика, басма являлась пайдзой, на которой изображался лик хана. Присланная Ивану III пайдза была сделана из дерева и, видимо, после топтания сломалась.

Конференцию следует считать успешной. Прослушанные доклады и сообщения позволяют судить о современных фокусах отечественной медиевистики.

А.Г. Еманов, С.В. Кондратьев (Тюм ГУ)

Медиевистская сессия «Проблемы истории Средних веков в российских университетах» (Москва, 23.01–05.02.2006)

Под таким названием 23 января — 5 февраля 2006 г. прошла медиевистская сессия в Институте всеобщей истории РАН в Москве. Организатором выступил Центр западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени во главе с П.Ю. Уваровым. В ней приняли участие медиевисты, византинисты, слависты и русисты, специализирующиеся по средневековой истории, из более чем тридцати университетских центров России. В ее ходе были проведены проблемные лекции ведущих российских ученых по наиболее фундаментальным проблемам истории Средних веков, круглые столы, обсуждение докладов, объединенных важнейшими темати-

ческими приоритетами, презентации медиевистских структур ИВИ РАН, периодических изданий и издательских проектов медиевистического профиля как столичных, так и периферийных. Одним из компонентов сессии было разностороннее анкетирование участников, имевшее смысл диагностирования российской медиевистики.

Исходной проблемой стала проблема «феодализма» как ключевого понятия, определяющего «Средние века». Отечественная медиевистика, по заключению П.Ю. Уварова, за последние четверть века не создала в этой сфере почти ничего сколько-нибудь выдающегося, может быть, за единственным